Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация?

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-301-312

Christian Ecumenism Today: Crisis or Transformation?

Ecumenical leaders of different Christian churches — Orthodox archpriest Heikki Huttunen, Lutheran pastor Dagmar Heller and Catholic theologian Johannes Oeldemann — answer questions of the editorial office about the current state of ecumenism. In particular, under discussion are the following topics: a crisis of the Ecumenical movement, change of its aims and basic positions over the past century; reaction of ecumenism to anti-ecumenical criticism and possibility of dialogue between ecumenists and anti-ecumenists; conservative Christian alliances as a form of ecumenical cooperation.

Keywords: antiecumenism, conservative Christian alliances, Ecumenical movement, ecumenism, inter-confessional cooperation, Pan-Orthodox Council, traditional values, World Council of Churches.

Главной целью экуменического движения с самого начала было соединение церквей. Эта цель декларируется участниками экуменического движения и сегодня. Вместе с тем, основная экуменическая деятельность постепенно сместилась в область межконфессионального взаимодействия по различным вопросам без привязки к достижению главной цели. Создается впечатление, что христианское воссоединение теперь отнесено в неопределенное будущее (к примеру, в документе ВСЦ «The Church: Toward

Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация? Беседа с экуменистами разных конфессий // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 301–312.

"Christian Ecumenism Today: Crisis or Transformation? Discussion with Ecumenical Leaders of Different Christian Churches" (2017), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(1): 301–312.

а Common Vision» единство как общение (койнония) описывается в эсхатологических терминах, то есть вынесено за пределы человеческой истории). Означает ли это, что главная цель экуменизма — объединение церквей — более не актуальна, а ей на смену пришла более прагматическая идея экуменизма как межконфессионального взаимодействия без объединения? Если да, то не является ли это свидетельством кризиса экуменического движения?

Хейкки Хуттунен: Благодарю за возможность ответить на интересные вопросы. Я не уверен, что 2016 год был отмечен «небывалым всплеском антиэкуменических настроений». Думаю, эти настроения постепенно проявлялись в течение долгого времени. Даже если подготовка к Святому и Великому собору вызвала негативные отзывы, в то же время она вдохновила конструктивную и полезную критическую дискуссию по темам, подготовленным для Собора, в том числе по теме экуменических взаимоотношений. В действительности, я думаю, что слово «небывалый» можно было бы использовать в отношении этой позитивной дискуссии, потому что нахожу ее более ясной и открытой, чем подобные дискуссии в прошлом, в то время как «антиэкуменические» реакции не представляли ничего нового. Мы не должны недооценивать важность соборного обсуждения темы экуменических взаимоотношений и решения принять документ «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром». Это значит, что теперь экуменические отношения и стремление к христианскому единству являются официально санкционированной частью миссии Православной церкви, а не просто дополнительной академической, духовной или церковно-политической деятельностью, осуществляемой отдельными поместными церквами, иерархами, общинами или богословскими школами. Я убежден, что на решение четырех церквей воздержаться от участия в Святом и Великом соборе повлияли и другие важные факторы, а не только дискуссия об экуменических взаимоотношениях. Их отсутствие на Соборе — печальный факт, но оно, на мой взгляд, не изменило всеправославного статуса Собора.

Отвечая на первый вопрос, хотел бы отметить, что, если вы обратитесь к истории современного экуменического движения,

то обнаружите, что свидетельство и служение в мире движения «Жизнь и труд» всегда сосуществовали с доктринальной работой движения «Вера и церковное устройство». Экуменическое видение подразумевает, что и богословский диалог, и общее свидетельство и служение, а также общая молитва способствуют общему послушанию Евангелию и словам молитвы нашего Господа «да будут все едино» [Ин 17:21]. Этот баланс никогда не был самоочевидным, и я думаю, что тот факт, что экуменическое движение всегда переживает тот или иной кризис, указывает на динамизм ситуации. Верно, что за последние два десятилетия мы стали свидетелями экуменической нестабильности, даже некоторого разочарования, связанного с прогрессом или отсутствием такового в доктринальном диалоге. Некоторые христиане (протестанты, католики и православные) считают, что для продвижения к христианскому единству достаточно работы по достижению общих социальных и практических целей. Некоторые православные открыто говорят, что они готовы получать «братскую помощь» от других церквей, хотя они не заинтересованы в богословском или духовном обмене с ними. Другие считают, что мы должны сконцентрировать наши усилия по преимуществу на доктринальном диалоге и забыть об общем свидетельстве и служении. По моему мнению, эта ситуация показывает, что экуменическое движение стало «заложником собственного успеха»: богословский диалог привел к значительному взаимопониманию, которое является более широким и глубоким, чем мы можем выразить в доктринальных или канонических терминах. В экуменической теологии чувствуется атмосфера ожидания. Я убежден, что, когда Богу будет угодно, он пошлет нам новое поколение креативных теологов, которое ответит на этот вызов.

Дагмар Хеллер: Чтобы ответить на этот вопрос, необходимы предварительные разъяснения. Вы употребляете термин «объединение». Этот термин редко использовался в экуменическом движении. Конечно, он присутствует в некоторых документах начала XX века, однако, например, Всемирный совет церквей в своей Конституции говорит о «единстве» как своей цели.

Ясно, что в этом контексте «объединение» — это проблематичный термин, так как объединение возможно только, если речь идет о двух церквах (или других институциях), которые ранее составляли одно целое (как в случае двух германских государств, объединенных в 1990 г.). Но когда мы говорим о различных цер-

квах, ситуация более сложная. Например, говорить об объединении лютеран и православных бессмысленно, потому что они никогда не составляли одного целого. Лютеране произошли от Римско-католической церкви, которая в то время уже была отделена от Православной церкви. Поэтому я понимаю современную ситуацию следующим образом. Существует много разных церквей, которые разделены. Некоторые из них даже не признают других в качестве церквей. Но все они опираются на Библию и Иисуса Христа. Отсюда возникает вопрос: каким образом они могут быть едины?

Учитывая вышесказанное, я бы так ответила на ваш вопрос.

Целью экуменического движения изначально было «единство», основанное на воле Иисуса, которую он выразил в своей последней молитве: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17:20-21). В то же время уже на первых экуменических конференциях стало очевидным, что участники движения по-разному понимают это единство. Как совершенно ясно можно увидеть в дискуссиях, состоявшихся в ходе второй всемирной конференции движения «Вера и церковное устройство» (Эдинбург, 1927 г.), одни церкви понимали единство как «общее действие» (работать вместе над практическими вопросами), другие — как «интеркоммунион» (общая Евхаристия как выражение единства при сохранении автономии церквей как организаций), а третьи ожидали единства как достижения «органического союза» (единой организации).

Другими словами, церкви в рамках экуменического движения стремились следовать воле Божией и «быть едиными», но при этом по-разному понимали, каким должно быть это единство. Поэтому, конечно, одной из главных задач экуменического движения является *совместное выяснение* того, к какому единству мы стремимся.

Эта цель экуменического движения сохраняет свою актуальность поныне. И она даже более актуальна сегодня, чем сто лет назад, когда экуменическое движение только зарождалось. Когда мы смотрим на вызовы современного мира — например, на растущий секуляризм, на тот факт, что мы живем в более плюралистических обществах, и проч., — мы понимаем, что необходимо единодушие христиан, чтобы их голос звучал убедительно, когда они возвещают Евангелие миру.

Однако это гораздо более трудное дело, чем думали пионеры экуменического движения. За свою историю это движение достигло немалых успехов. Например, англикане и протестанты в Европе и Северной Америке провозгласили восстановление общения (Porvoo Agreement и другие соглашения в США и Канаде). То же произошло в Европе с лютеранскими и реформатскими церквами, которые были разделены со времен Реформации: сегодня они объединены в Коммунион протестантских церквей в Европе (Communion of Protestant Churches in Europe), их пасторы взаимно признаются, а верующие могут причащаться во всех церквах — членах Коммуниона. Большой прогресс был достигнут также в отношениях между лютеранами и католиками, особенно после 1999 г., когда была подписана Совместная декларация по вопросу об оправдании. Общая церемония, состоявшаяся в прошлом году в Лунде с участием президента Всемирной лютеранской федерации и папы Франциска, является весьма обнадеживающей символической акцией.

Некоторые говорят о кризисе экуменического движения, но это зависит от их взгляда и ожиданий. Оставаясь реалистами, мы не можем ожидать, что христиане, более тысячи лет находившиеся в состоянии разделения, смогут за сто лет достичь единства. Кроме того, восприятие нынешней ситуации как кризиса связано с пониманием того, что экуменические усилия — гораздо более трудное и сложное дело, чем обычно думают. И этот «кризис» лишь помогает нам быть бо́льшими реалистами.

Я знаю, что с православной точки зрения экуменическое движение воспринимается как пребывающее в кризисе в силу того, что в последние годы расхождения между православными и протестантами росли, особенно в связи с новыми вопросами, возникшими в современном мире. Это новый вызов для экуменического движения, и одна из главных проблем заключается в том, что протестанты и православные по-разному понимают современный мир и отвечают на новые вызовы. Но я не вижу другого пути, кроме того, чтобы продолжать диалог по этим вопросам, иначе мы не будем верны нашему Господу Иисусу Христу, призыв которого к любви (даже любви к врагам) мы призваны нести миру.

Нам нужно найти пути к тому, чтобы быть едиными, несмотря на наши разногласия.

Йоханнес Эльдеманн: Я не разделяю мнения, что главная цель экуменического движения перестала быть актуальной для по-

вестки экуменических диалогов. Отчасти это может быть верно для Всемирного совета церквей и многосторонних диалогов. Тем не менее большинство двухсторонних диалогов все еще намерены внести существенный вклад в восстановление церковного единства. Что касается цели экуменического движения, я предпочитаю говорить о восстановлении общения, а не о «воссоединении» церквей или об «объединяющихся церквах», поскольку это может вызвать ложное представление, что сегодняшнее стремление к единству по-прежнему похоже на то, что в прошлом называлось «униатством». Католическая церковь отказалась от этой модели, основанной на эксклюзивистской экклезиологии — таком понимании Церкви, которого сегодня, кстати, придерживаются православные фундаменталисты (большинство из них не знает, что они копируют то, против чего выступают). Главная проблема экуменического движения на сегодняшний день — это отсутствие общего понимания основной цели. Большинство церковных лидеров и богословов соглашаются, что оно должно быть некоторой формой «единства в многообразии», но они расходятся во мнениях относительно того, что является существенным для единства и каковы границы допустимого разнообразия.

Многие сегодня говорят о «консервативном повороте» в мировом масштабе. Все большую роль начинают играть консервативные христианские альянсы и инициативы, объединенные вокруг защиты «традиционных ценностей» (например, Всемирный конгресс семей, про-лайф движение, Манхэттенская декларация 2009 г.). Можно ли сказать, что консервативные христианские альянсы представляют собой другой тип экуменического взаимодействия? Означает ли появление такого консервативного экуменизма, что классический экуменизм перестал быть всеобъемлющим, инклюзивным?

Хейкки Хуттунен: Иногда кажется, что в международном «экуменизме» доминируют так называемые либеральные ценности. Но это не совсем так. В реальности, на международных экуменических площадках — таких как Конференция европейских церквей — представлен целый спектр различных взглядов по многим

вопросам, например, неоднозначные этические интерпретации христианской веры. Мы нуждаемся в более открытом и доверительном диалоге по этим темам. Нам необходимо укрепляться в понимании того, что, хотя мы можем приходить к различным пастырским выводам по некоторым вопросам в соответствии с культурным и социальным контекстом, в котором мы живем, все мы стремимся следовать за одним Господом. Действительно интересно отметить, что существует нечто вроде «консервативного экуменизма». Когда я читаю некоторые тексты православных «антиэкуменистов», я поражаюсь тем, насколько их богословие и аргументация схожи с теми, которые выдвигают протестантские «антиэкуменисты»! Было бы интересно, если кто-то смог бы проанализировать эти влияния и их бэкграунд.

Дагмар Хеллер: Для меня экуменизм включает *всех* участников, стремящихся к единству, которого Бог ожидает от христиан. В этом смысле существует только *одно* экуменическое движение. С самого начала в рамках этого движения были разные мнения и разные голоса. Начиная с 1974 г., когда т.н. Лозаннское движение под руководством Билли Грэма не приняло политику ВСЦ, мы наблюдаем два типа экуменизма — более прогрессивный и более консервативный. Однако в последние годы эти два «потока» снова сблизились, и теперь (с 2013 г.) существует официальное взаимодействие между Евангелическим альянсом (Evangelical Alliance) и Всемирным советом церквей.

Йоханнес Эльдеманн: Действительно, в последнее десятилетие консервативные группы из разных конфессий (католики, евангелисты, а также отчасти православные) стремились к сотрудничеству в деле защиты «традиционных ценностей». Такое сотрудничество полезно для совместного свидетельства церквей в наших обществах, но оно не может заменить «классический экуменизм». Кроме того, необходимо учитывать, что консервативные группы не представляют всю церковь. В православном мире они сегодня могут быть в большинстве, но в значительной части церквей Западного полушария они остаются меньшинством. Таким образом, существует определенная опасность того, что «консервативные альянсы» будут не способствовать христианскому единству, а создавать новые разделения — теперь уже не по конфессиональным границам, а между теми, кто называет себя «истинными» христианами, и теми, кто считает, что с помощью представления

о «традиционных ценностях» невозможно выразить полноту христианской веры. Появление определенной формы консервативного экуменизма указывает на необходимость размышлять о значимости «современного» (и даже «пост-современного») мира для свидетельства церкви: можно ли убедить людей в истинности откровения Христова через осуждение «грешного» мира? Не будет ли более убедительным возвещение Евангелия на понятном людям языке и в соответствии с философским контекстом сегодняшнего мира? Я думаю, что большинство отцов церкви предпочли бы второй подход.

Экуменическое движение, по крайней мере с 1960-х гг., сохраняет установку на инклюзивность, которая подразумевает открытость к самым разным богословским позициям и диалог между ними. Можно ли применить эту установку к антиэкуменизму? Возможны ли какие-то усилия со стороны экуменических организаций, направленные на то, чтобы изменить точку зрения антиэкуменистов? Какие аргументы могут быть в данном случае приведены в пользу экуменизма?

Хейкки Хуттунен: Я думаю, что термины «экуменист» и «антиэкуменист» вводят в заблуждение. Нам не нужны никакие другие «измы», кроме верности Евангелию и православной вере. Когда мы обнаруживаем разницу во взглядах, нам нужны терпение и любовь, чтобы слышать друг друга, и воля, движимая любовью, чтобы понимать друг друга. Таким образом мы обретем путь для движения вперед.

Дагмар Хеллер: Мне не совсем ясно, о чем идет речь, когда вы говорите об «экуменическом движении». Термин «экуменический» по определению является инклюзивным. Он происходит от греческого слова *ойкумена*, которым древние греки обозначали «всю обитаемую землю» (в то время это была Римская империя). В этом смысле «экуменическое движение» является инклюзивным, поскольку оно стремится охватить весь мир. Здесь два аспекта. Экуменическое движение (1) призывает *всех христиан* совместно трудиться для выполнения миссии, которую им по-

ручил Бог, а именно (2) *вместе проповедовать Евангелие всему миру*. Антиэкуменисты — это, по определению, люди, которые выступают против такой инклюзивности, и потому с ними трудно вести диалог: они как раз не хотят разговаривать с представителями экуменического движения. Это создает трудности для экуменистов. Диалог всегда предполагает готовность к разговору с обеих сторон. Если же одна из сторон разговаривать не хочет, то и не может быть никакого диалога.

Антиэкуменизм опирается на неосведомленность и, возможно, на непонимание. Многим людям экуменизм кажется слишком политизированным. Но я думаю, что быть христианином — во многом значит деятельно участвовать в жизни общества. Для некоторых экуменизм — это компромиссы в вопросах веры. Но я думаю, что веру следует отличать от знания и идеологии. Вера — это всегда тайна, вера предполагает сомнение, а потому вера связана с поиском, с пребыванием в пути. Это значит, что вера включает диалог, поиск *совместно* с другими.

Есть и такие люди, которые опасаются, что экуменизм ведет к синкретизму. Однако христианство с самого начала своей истории сталкивалось с другими культурами и включало элементы этих культур, например, мысль эллинистической эпохи. Конечно, экуменисты должны быть внимательными и всегда проводить ясные различения, но если у нас есть вера, мы не должны бояться. Как я сказала, диалог с антиэкуменистами — трудное дело. Но нам прежде всего надо уже в школе, в ходе катехизации, в разных формах религиозного образования давать верную информацию об экуменизме и его важности для выживания христианства. Говоря богословски, экуменизм основывается на кафоличности церкви, которую мы все исповедуем в Никео-Константинопольском Символе веры. Церковь, которая отвергает экуменический диалог, рискует превратиться в секту.

Я могу понять многие страхи антиэкуменистов, но я знаю, что не могу изменить их точку зрения. Я могу только сказать им: страх — очень плохой советник. Иисус всегда говорил своим ученикам: «Не бойтесь!». Вера в Бога есть вера в Иисуса Христа и Святого Духа. Поэтому я думаю, что если мы веруем в Святого Духа, мы должны оставить ему судить, кто прав, а кто неправ, кто спасен, а кто нет. Бог ждет от нас, чтобы мы любили друг друга — даже врагов. В сердце экуменизма — любовь, потому что именно любовь побуждает нас интересоваться жизнью в вере других людей, любовь порождает в нас уважение у тем, кто прожива-

ет свою веру по-другому, любовь призывает нас к совместной деятельности и диалогу с другими.

Поэтому я не думаю, что антиэкуменистов можно переубедить с помощью аргументов. В отношении с ними нужно много терпения, любви и уважения, но также нужны ясные ответы и утверждения, которые показывали бы, что в экуменизме нет ничего плохого.

Йоханнес Эльдеманн: Термин «инклюзивность» используется для описания кардинального изменения в большинстве христианских церквей, связанного с переходом от эксклюзивистского самопонимания к позиции, которая допускает возможность различных путей ко спасению. В Католической церкви эта позиция была официально принята декретами II Ватиканского собора. Тем не менее, будет заблуждением считать инклюзивность некой формой «релятивизма», как это делает большинство антиэкуменистов. Это отличие необходимо подчеркивать в дискуссиях с антиэкуменически настроенными группами внутри наших церквей. Инклюзивная установка не предполагает отказа от убеждения, что наша церковь — истинная Церковь; она означает, что границы Церкви (как тела Христова) могут быть шире границ нашей церкви. Конечно, экуменические организации, как и отдельные церкви, должны стараться вести диалог с антиэкуменическими группами. Но поскольку последние, как правило, не желают вступать в диалог с целью обсуждения обоснованности аргументов обеих сторон, я скептически отношусь к возможности их «включения» в открытую дискуссию об общем понимании Церкви и ее единства.

Есть ли в вашей церкви антиэкуменисты? Ведут ли сторонники экуменического движения с ними диалог?

Хейкки Хуттунен: Отвечая на предыдущий вопрос, я уже сказал об этом. Могу добавить, что в Финляндской православной церкви все — «экуменисты», потому что мы живем как признанное меньшинство среди лютеран, светских людей и верующих других церквей и религий. Практически каждый православный христианин в Финляндии делит свою семейную жизнь, работу, учебу, дружбу и т.д. с супругом, друзьями и соседями, не принадлежащими к православию. Для этого требуется, чтобы мы питали нашу ду-

ховную жизнь молитвой и пребыванием в православной церковной общине и, укрепляясь таким образом, открыто выходили навстречу другим людям, которые тоже — дети Божьи.

Дагмар Хеллер: Да, в моей церкви есть антиэкуменисты, но с ними нет диалога, потому что, как я уже объяснила, именно антиэкуменисты отказываются от диалога.

Йоханнес Эльдеманн: В Католической церкви есть определенные группы, которые воздерживаются от экуменического взаимодействия, но они не называют себя «антиэкуменистами», потому что экуменизм, понятый как стремление к христианскому единству, был официально принят II Ватиканским собором и поддерживается с тех пор всеми Папами Римскими. «Католических» антиэкуменистов можно найти в «Обществе Святого Пия X» («лефевристы»), отлученном от церкви папой Иоанном Павлом II в 1988 году. В 2009 г. папа Бенедикт XVI начал с ними диалог, который продолжается и в понтификат папы Франциска, но, кажется, они пока не намерены принимать «инклюзивистских» позиций II Ватиканского собора.

Для Католической церкви более серьезной проблемой, чем антиэкуменическая активность, является определенная форма самоуспокоенности (как среди духовенства и иерархии, так и среди прихожан), когда довольствуются нынешней ситуацией и не видят необходимости в экуменической деятельности. Поэтому перед православными и католиками встает общая задача по созданию — на всех уровнях богословского образования — специальных курсов, посвященных экуменизму (их можно назвать «конфессиональными исследованиями» или «сравнительным богословием»). Эти курсы должны давать непредвзятую информацию о других христианских церквах и предлагать серьезное осмысление экуменических диалогов между ними и их общей цели — единства всех, кто исповедует Иисуса Христа как Спасителя всего человечества.

Беседовал Андрей Шишков